

136. Телеграмма представителя СССР при Французском комитете национального освобождения в Народный комиссариат иностранных дел СССР

27 мая 1944 г.

Был приглашен де Голлем на завтрак в Типазу, маленький ресторан в 70 километрах от Алжира.

В пути он начал беседу с того, что наступает решающий момент в определении курса французской политики, которая стоит на распутье, имея перспективой освобождение Франции и восстановление ее по окончании разгрома Германии.

В связи с этим поворотным моментом для Франции де Голль изложил мне следующее:

1. С конца XIX века Франция встала на естественный для нее путь союза с Россией на континенте Европы. Русские, долго заигрывавшие с Германией, окончательно убедились в невозможности серьезного и прочного блока с ней и пошли на союз с Францией, несмотря на ряд предрассудков по отношению к ее режиму.

Результатом этого союза явился для Франции выигрыш войны 1914–1918 гг., хотя Россия и вышла из этой войны в 1917 г. благодаря своей революции.

Революция в России послужила предлогом для разрыва франко-советского союза и переориентировки Франции. Французское правительство пошло на сближение с Англией и оппозицией, принося при этом ряд жертв. Основной жертвой была потеря союза с Россией на континенте. Такие события, как Локарно и Мюнхен, явились политикой уступок Франции английской политике. Так постепенно Франция втянулась в орбиту англо-американской политики на континенте Европы. Результаты такой политики очевидны. США совершенно отвернулись от Франции, а Англия выступила в войне 1939–1940 гг. только в роли “кообелижеранта”¹, по отнюдь не союзника. Финалом английской политики является теперешняя англо-американская идея установить контроль над Францией и ее правительством по мере освобождения метрополии.

После этой войны Франция должна вернуться к франко-русскому, или франко-советскому, союзу. Англия относится отрицательно к франко-советскому сближению. Англия хочет разделения Европы, чтобы сохранить за собой выгодную и безопасную роль верховного политического арбитра в европейских делах. Англия объективно слаба для этой роли. Ее империя – это механический конгломерат самостоятельных частей. Морское могущество Англии непрерывно падает. Первым и самым мощным сигналом ее падения было потопление в результате бомбежки “Принца Уэльского” – одного из лучших кораблей английского флота. Военный флот уступает свое значение воздушному флоту, а развитие воздушного флота означает конец для Англии, так как фактически

¹ «Совоюющей стороны»

ликвидирует преимущество ее расположения на островах. Море перестанет так разделять Англию и континент, как это было раньше. Англия хочет иметь единую политику в Европе – английскую политику. Это невозможно. Единой политики в Европе быть не может. Выразителем старой внешнеполитической линии Англии является Черчилль, Он стар и недостаточно гибок и дальновиден. Он идет на сближение с США, откровенно предпочитая Америку Франции. Новую линию представляет Иден, который сомневается в могуществе Англии и хочет опереться на Францию. Это, конечно, более прогрессивная точка зрения, но и она не вполне соответствует идее союза, построенного на равенстве и доверии, которого хочет Франция. Мы, говорит де Голль, не верим Англии, даже когда она говорит о союзе с Францией. Последняя речь Черчилля несколько не удовлетворила Французское правительство. Франция нуждается в союзе с Россией и рядом европейских стран, окружающих Германию, то есть Голландией, Бельгией, Австрией, Чехословакией и Польшей. Основное в таком союзе – это решение германской проблемы. Ни Англия, ни США не хотят чрезмерного ослабления Германии, Англия готова похвалить Германию. Если Россия хочет радикально и надолго решить германскую проблему, то она может это сделать, только опираясь на Францию и другие демократические страны европейского континента.

2. Франко-английские отношения в этой войне складываются весьма противоречиво. “С одной стороны, Черчилль встретил меня в Лондоне очень радушно и оказал мне большую помощь, а с другой стороны, он ничего не понял в моей миссии”. Приезд де Голля в Англию был приятен Черчиллю, как появление “движения Сопротивления”, как возникновение какой-то группы воинственных французов. Никакой новой Франции Черчилль не увидел в голлизме. Франция для Черчилля – это конченная страна. После войны 1914–1918 гг. Черчилль верил в силу Франции, в ее армию. Быстрый разгром этой армии в 1940 г. подорвал у него веру во Францию и в ее армию. Франция перестала быть для него силой, и он перестал с ней считаться. “Черчилль хотел превратить меня в простой инструмент своей политики и пытается ослабить мою позицию; когда я сопротивляюсь, он приходит в ярость”.

Франция не может идти с Англией на тех условиях, которые предлагает ей Черчилль. При всех трудностях французам пришлось пойти на определенные уступки англичанам, чтобы получить возможность занять позиции, нужные для освобождения Франции. Этого удалось достичь.

Характеризуя свои отношения с англичанами, де Голль сказал, что скверное отношение англичан и американцев к Франции отлично помогает ему объединять

французов для борьбы за независимость и великую Францию. “Я не боюсь их политики – с этой точки зрения”.

3. Франко-американские отношения складываются совершенно нереально. Рузвельт отлично понимает, что он обманул доверие Франции и до 1942 г. не помогал ей в борьбе с Германией. Сейчас США ищут покорную себе Францию, чтобы сделать ее базой своей европейской политики. “Франция, которую я хотел бы иметь и видеть, не соответствует американским интересам, которые давно вышли за границы изоляционизма”.

4. Англо-американские отношения непрочны, так как США не хотят равенства с Англией и грубо настаивают на своем превосходстве. В Англии нарастает раздражение против американцев. Если Черчилль идет на поклон к Рузвельту, то Иден довольно сильно недолюбливает американцев.

Сказал де Голлю, что информирую Наркоминдел о его взглядах на международную ситуацию и от себя лично могу сказать только, что, соблюдая верность своим англо-американским союзникам, мы, конечно, относимся с симпатией к Франции и к тем возможным мероприятиям, которые могли бы обеспечить прочный и длительный мир в Европе. Сказал также, что пока очень трудно найти определения для выражения наших симпатий к Франции.

Де Голль шуточно ответил, что беседу о терминах надо вести в Париже, а не в Типазе.

5. Де Голль на днях выезжает в Лондон с Массигли, д'Астье и, возможно, Ле Трокером.

Поедет с намерением урегулировать ряд вопросов:

- а) участие французских вооруженных сил в высадке во Франции;
 - б) установление правильных взаимоотношений Союзного командования с французской администрацией, настаивая на полном подчинении этой администрации Французскому комитету национального освобождения и отказываясь признать контроль союзников над Французским правительством;
 - в) отказ англичан и американцев от выпуска во Франции оккупационных франков, которых американцы заготовили 80 миллиардов.
- Де Голль говорит, что даже немцы этого не делали. Они выпустили свои марки с меньшим курсом, ставили свои штемпеля на французские банкноты, но все же не печатали в Берлине французских денег;
- г) полагает также урегулировать некоторые проблемы экономики и вооружения.

Де Голль не верит в серьезный успех своей миссии и не ждет от нее больших успехов.

Предполагает, что пробудет в Англии до момента высадки, но все же постарается приехать в метрополию не с английской территории, а с французской, то есть в любом случае вернется в Алжир.

6. Де Голль хочет на этих днях переименовать Французский комитет национального освобождения во временное Французское правительство.

“Пусть союзники этого не хотят, мне это нужно для Франции”. <...>

Отправляясь в Лондон де Голль хочет заручиться нашей поддержкой на случай серьезной борьбы с Черчиллем и американцами.

Ему нужна опора, и он ищет ее в СССР, понимая, что наши отношения с англичанами и американцами, и особенно англичанами, чреваты всякими трудностями. Чтобы пойти на такой демонстративный жест, как провозглашение Французского комитета национального освобождения временным правительством, де Голль хотел бы, соблазняя нас перспективой крепкого франко-советского союза в неопределенном будущем, получить сейчас паше признание.

Отмечу, что французские газеты за последние дни стараются почаще упоминать мою фамилию, называя меня чрезвычайным и полномочным послом при временном правительстве Французской республики. То же, но реже, они проделывают и с иными дипломатами.

В беседе де Голя, конечно, имеется много и вполне искреннего раздражения против англичан, которые обращаются с ним довольно небрежно.

А. Богомолов

СФОТ, II, С. 54–58